

Эмоциональный язык нецензурной речи

В статье раскрываются эмоциональная природа обсценной лексики в речевом поведении человека, её функции и свойства. Содержательно конкретизированы психологические подходы к анализу и оценке нецензурного вокабуляра. Обсценная лексика рассматривается как эмоциональная грамматика речи. Выявлена психологическая специфичность запретности инвективы в речевом поведении человека.

Ключевые слова: обсценция; обсценная лексика; инвектива; вербальная агрессия; запрет; полисемантичность; отреагирование; речевые реакции, речевое поведение; речевое действие; рече-мыслительный механизм; проторечь; знак; предметный конструкт; регрессивный способ поведения; катарсис; защитный механизм; аффект; сакральный язык; эмоциональная грамматика.

А.В. Мымрин

Человек, который первым вместо камня бросил в своего противника бранное слово, заложил основы нашей цивилизации.

З. Фрейд

Необходимость психологического анализа феномена «обсценной лексики» (*быт.* «нецензурной») обусловлена рядом причин культурного, социального и научного характера и предмечивается, по нашему мнению, логикой развития человеческой цивилизации.

Речь как определяющий инструмент «очеловечивания», «окультуривания» сознания человека становится центральной общегуманитарной и общепсихологической проблемой.

Гуманизация отношений во всех сферах жизнедеятельности человека во многом определяется, формируется и реализуется в его речевой практике с другими людьми и выражается прежде всего в культуре речи.

Обсценный лексический слой языка, являясь в известном смысле человеческим изобретением и доказавший своей стойкостью и жизнеспособностью объективную необходимость своего существования в системе порождения и восприятия речи на определённом этапе, пришёл и приходит в противоречие с причинами, его породившими, — самой культурой.

Актуальной становится проблема примирения «некультурного» словоупотребления с «культурной» необходимостью его существования. К сожалению, сколько-нибудь убедительных исследований философского, психологического и культурологического планов в данной области не было сделано, а если они и проводились, то ограничивались филологическими исследованиями «мата» и составлением «словарей непристойностей», «путеводителей по скабрёзным словам», «собранием русских «нецензурных» пословиц и поговорок» и т.д. (В.И. Даль, Б.А. Успенский, В. Быков, И. Эрмен, А.Н. Афанасьева, А. Флегон, А.Н. Кохтев. В. Ерофеев, В.И. Жельвис) [8, с. 47]

В настоящее время данная проблематика представлена 2–3 диссертациями социологического и филологического характера. Собственно психологических исследований обсценной речевой практики человека не проводилось. Представляется, что сам по себе общепсихологический анализ проблемы будет полезной абстракцией и предметным конструктом в управлении речевой активностью.

В России в настоящее время широкое реформирование всего уклада жизнедеятельности человека проходит в противоречивых социокультурных условиях. Культурные ориентиры советского периода утратили свою однозначность и ясность, а новые, если таковые имеются, не получили чёткой и прочной прописки в массовом сознании.

Успешность преобразований в жизнедеятельности человека, его физическое и психическое здоровье в значительной мере зависят от согласованности и целостности культурных, мировоззренческих, этнических и профессиональных ценностей, норм и правил, основным носителем которых является язык, а механизмом осуществления — речь.

Речь является не только средством общения людей, но и средством преобразования всех сторон социального и психологического бытия человека. Регулируя мотивационно-ценностную, эмоциональную и когнитивную сферу человека, речь задаёт его конечный формат в поведенческом репертуаре.

Намеренно оставляя в стороне морально-нравственные и оценочные суждения в отношении ненормативной лексики, зададимся вопросом о функциональной роли последней в жизни человека.

Нецензурная лексика в речевом обороте человека имеет широкий спектр психологических нагрузок.

Александр Валерьевич Мымрин — старший преподаватель Военного университета Министерства обороны РФ

Эмоциогенность «матерного говорения» сегодня признаётся едва ли не всеми исследователями этого вида речевой практики, но сколько-нибудь убедительного психологического анализа данной диалектической связи сделано не было.

В рамках данной статьи мы попытались реконструировать известные культурологические и лингвистические модели обценной лексико-психологическими средствами.

Известно, что эмоция только тогда существует, когда она выражена. В поведенческом арсенале человека имеется достаточно обширное количество средств выражения своих эмоций, главным из которых является форма непосредственного переживания (ПЕРЕЖИВАНИЯ, по Ф.Е. Василюку) [4, с. 154]. В ряду этих средств слово занимает достаточно скромное место и, как это ни парадоксально, не всегда лучшее. Один из авторитетных лингвистов К.А. Долинин утверждал, что «личностная эмоция... стремится преодолеть знакомость языка» [7, с. 74].

Это преодоление, на наш взгляд, наиболее успешно осуществляется той лексикой, которая является предметом нашего исследования. Другие группы слов лишены такой возможности в силу того, что выразить то, для чего не хватает слов, можно лишь внесловесно, с помощью «не-слов» — междометий, одну из функций которых и выполняют обценности.

Такая возможность кроется в самой природе эмоций. Будучи самым древним образованием, эмоции отражают объективную реальность целостно, гештальтно, передавая информацию в самом обобщённом виде. Кроме того, нужно иметь в виду, что различные эмоции имеют тенденцию «стягиваться» по основанию своего качества вокруг более общих. Такая тенденция была подмечена К. Изардом. Так, эмоции гнева, отвращения и презрения сводятся в одну «триаду враждебности» [9, с. 118], где иногда могут прописаться и эмоции страха, страдания, одиночества и т.д. Все эти эмоции могут при определённых обстоятельствах различаться, но в условиях естественной жизни они вызываются вместе и, соответственно, составляют трудность в их назывании. По мнению В.К. Вилюнаса [5, с. 67], подобная способность эмоций к генерализации приводит к тому, что отношение человека к объектам окружающего мира, другим людям выражается в высокой степени обобщённости эмоционального отношения.

Справедливо и то, что обратное, неконкретное отношение (обвинение в какой-то отрицательности) может восприниматься как мнение о конкретном качестве. Например, дети, а иногда и взрослые могут называть теле- или киногероя, который вызывает у них отрицательную эмоцию, словом «дурак» даже в том случае, когда герой не выказал своей глупости. Подобного рода речевая практика инфантильного отношения позволяет рассматривать обценное словоупотребление взрослыми субъектами как защитный механизм вербальной регрессии.

Дж. Фейдимен и Р. Фрейгер так определяют защитный механизм регрессии: «Регрессия — это возвращение на более ранний уровень развития или к способу выражения, который более прост и более свойствен детям. Негативная эмоция ослабляется здесь посредством ухода от реалистического мышления в поведение, которое в более ранние годы уменьшало тревожность» [15, с. 62].

Регрессия — более примитивный способ справиться с ситуацией, действовать в ней.

Кальвин Холл даёт длинный список регрессивных способов поведения: «Даже здоровые, хорошо приспособленные люди позволяют себе время от времени регрессии, чтобы уменьшить тревожность или, как говорится, «выпустить пар». Они курят, напиваются, переадеют, выходят из себя, кусают ногти, ковыряют в носу, читают рассказы о таинственном, ходят в кино, нарушают законы, лепечут по-детски, портят вещи, мастурбируют, занимаются необычным сексом, жуют резинку или табак, одеваются как дети, ведут машину быстро и рискованно, верят в злых и добрых духов, любят вздремнуть среди дня, дерутся и убивают друг друга, делают ставки на тотализаторе, грезят, встают против авторитета и подчиняются авторитетам, играют в азартные игры, прихорашиваются перед зеркалом, действуют по внушению импульса, ищут козла отпущения и делают тысячи других «дет-

ских» вещей. Многие из этих регрессий настолько общеприняты, что принимаются за признаки зрелости. В действительности все они — формы регрессии, используемые взрослыми» [15, с. 95–96]. Было бы правильным дополнить этот список рассказыванием анекдотов, частой руганью, обзыванием, использованием нецензурных слов в разных жанрах и стилях.

По нашему мнению, применительно к вербальной регрессии снижение уровня способа выражения эмоции будет происходить в обратной последовательности фило- и онтогенетического развития и освоения речи человеком. Описанные Ж. Пиаже стадии речемыслительного развития: формирование сенсорно-моторной схемы (проторечь); стадия одного слова (слово-ситуация); стадия слова-символа (понятие); стадия предикативной речи (слово + слово); стадия абстрактного мышления дают основания предположить, что при работе механизма регрессии на речевом уровне произойдёт свёртывание грамматической структуры предложения (деграмматизация), трансформация её синтаксической структуры и переход слова в «язык мысли», в семантический план, по Ж. Пиаже — в слово, не разведённое с ситуацией (полную полисемантичность) [13, с. 116]. Эту задачу, по нашему мнению, наиболее успешно решает исследуемая нами обценная лексика.

В психологической науке отношение к защитным механизмам неоднозначно. Теоретики психоаналитического толка утверждают, что защитные механизмы, за исключением сублимации, являются собой неправильную защиту, невротизируют человека (З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни). Гуманистическая психология рассматривает все защитные механизмы как тормоз личностного роста (К. Роджерс), самоактуализации (А. Маслоу). Бихевиористическое крыло психологии, напротив, утверждает необходимость научению защитным механизмам как источнику адекватной реакции на стимулы окружающего мира.

В отечественной психологии отношение к защитным механизмам определяется через временной параметр их работы. В тех случаях, когда защита кратковременная, дающая субъекту возможность устранить источник угрозы, она выполняет позитивную функцию. А в случае, когда защитный механизм, уменьшая напряжение, часто оставляет неразрешённым источник негативной эмоции, создаёт иллюзию её выражения, отреагирования, тем самым хронифицирует модель поведения, в том числе и речевого. В психологии эта модель традиционно описывалась через категорию «катарсиса», введённую ещё Аристотелем, — очищение через сопереживание героям высокой трагедии. В «Поэтике» он говорит, что «трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определённый объём (подражание) при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной, посредством действия, а не рассказа совершающее, путём сострадания и страха, очищение подобных аффектов» [1, с. 56].

В настоящее время значение этой категории далеко от понятия автора, её введшего. Понимание катарсиса как «превращения» страстей в добродетельные наклонности (Лессинг), как переход от неудовольствия к удовольствию (Э. Мюллер), исцеление или очищение в медицинском смысле (Бернайс), как успокоение аффекта (Целлер) или словарное определение катарсиса — не дают исчерпывающего аристотелевского содержания этого понятия.

В своей блестящей работе «Психология искусства» Л.С. Выготский напишет: «Но, несмотря на неопределённость его (катарсиса. — *Примеч. авт.*) содержания и несмотря на явный отказ от попытки уяснить себе его значение в аристотелевском тексте, мы всё же полагаем, что никакой другой термин из употреблявшихся до сих пор в психологии не выражает с такой полнотой и ясностью того центрального для эстетической реакции факта, что мучительные и неприятные аффекты подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращению в противоположные и что эстетическая реакция как таковая в сущности сводится к такому катарсису, то есть к сложному превращению чувств» [3, с. 82].

Анализируя произведения искусства, Л.С. Выготский приходит к выводу, что в самом содержании и форме последнего (если это на-

стоящее произведение искусства) заложено противоречие, которое вызывает противоположные по знаку переживания формы и переживания содержания. Подлинный художник «всегда формой преодолевает своё содержание» [3, с. 102]. Далее Выготский утверждает, что «закон эстетической реакции один: она заключает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение» [3, с. 118]. Именно этот процесс Л.С. Выготский и определил как катарсис.

В этом пункте рассуждений Л.С. Выготского мы увидели достаточно серьёзную связь со словом художника и словом, которое является предметом нашего исследования.

С морально-нравственной точки зрения было бы кощунством сравнивать «высокое слово» поэта и бранную лексику обывателя, но именно противоречивость содержания и формы обценного слова и «катарсическая» реакция на него делают такое допущение возможным и психологически оправданным.

Полисодержательность обценного слова и запретная форма его выражения задают противоречивость его существования. Взламывая запрет или «запретно» преодолевая «какое-то содержание», достигается та кульминационная точка, о которой писал Л.С. Выготский, в которой находит своё уничтожение аффект. Видимо, этим фактом объясняется стремление некоторой части творческой интеллигенции, журналистов прибегать к «крепкому словцу» или его производным как к выразительному средству. Происходящее можно отчасти объяснить своеобразным кризисом описываемого опыта и словесной формой его кодировки.

По нашему мнению, в логику этого рассуждения нужно внести ряд уточнений. Феноменально обценное слово переживается как катарсис — «выругался и полегчало», — но объективно таковым не является. Нецензурное словоупотребление создает иллюзию уничтожения аффекта (катарсиса), вызывая вслед за этим новый/старый аффект в форме тревоги, чувства стыда или вины, которое потребует вновь защиты, но уже в форме реактивного образования — рационализации, отрицания и т.д. Причём чем сильнее табуированность слова, тем сильнее защита, вернее, неверная защита. Именно в этой точке расходятся слово художника и «матерное» слово (псевдоискусство).

В этом же контексте представляется интересным философский анализ средневекового карнавала М.М. Бахтина, где, по мысли философа, «сложился особый карнавалльно-площадной стиль речи», для которого характерна своеобразная логика «обратности», «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и трагедий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний. Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как «мир наизнанку» [2, с. 8–9].

Такой универсальный эффект сниженной лексики достигается не за счёт его содержания, а в силу специфики её формы. Строгий запрет на данную форму выражения некоего содержания делает сам запрет психологически содержательным. Именно в этом аспекте он представляет интерес в нашем исследовании. Потенциально табуироваться может любой пласт национального языка.

Почему подверглись запрету обозначения именно нижних частей тела человека: гениталии и выполняемые ими функции? Ответ, со всей очевидностью, определяется необходимостью их сохранения. Если говорить психологическим языком, есть события, которые существуют только в системе запретов. Интимная сфера человека должна быть запретна, чтобы быть СО-бытийной. Запрет выстраивается на страхе. Я боюсь, потому что не понимаю, как управлять, как совладать с этим. Как древние боялись грома и молнии. «Страшно» — от слова «некрасиво», дальше следует «грязно», «пугающе», «отталкивающее», «запретно» и главное в этой цепочке — «сакральное». Отсюда возникает главный атрибут запрета на нецензурную лексику — как страшную, грязную, враждебную, агрессивную и в конце этой цепочки — «сакральную» [12, с. 14].

Поскольку предметом настоящего исследования является не феномен агрессии, враждебности вообще, а особая, присущая только человеку (как носителю языка) её разновидность — враждебность речевая, вербальная, необходимо рассмотреть некоторые положения психолингвистической концепции, что поможет вскрыть её содержательные и речемыслительные механизмы.

Опираясь на психологическую теорию деятельности (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев) и пользуясь её терминологией, акт речевой агрессии можно рассматривать как интериоризацию поступка, то есть «переход, в результате которого внешние по своей форме процессы... преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации — обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию...» [11, с. 149]. Иными словами, сущность явления речевой агрессии заключается в особом преобразовании внешних процессов (различные реакции на негативные эмоциональные раздражители) во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью, поскольку «важнейшей формой выражения эмоций у человека является речь» [11, с. 159].

При этом основной и характерной чертой речевых, в том числе и агрессивных актов является их дуалистическая связь: с одной стороны, с рефлексам, присущими как животным, так и людям; и с другой стороны — с высшими, свойственными только человеку формами нервно-психической деятельности. На эту социально-биологическую связь речевых реакций указывает А.Р. Лурия: «Речевые реакции, являясь сложной нервно-психической деятельностью, опираются на интеллектуальные процессы и на прежний жизненный опыт ребёнка, построенный по форме рефлекса» [10, с. 10].

В связи с этим, естественно, что вербальный и физический агрессивные акты имеют общие мотивы, механизмы и структуру. Так, П.Я. Гальперин обращает внимание на то, что «речевое действие строится как отражение материального действия. Для этого последнее... развёртывается и шаг за шагом переносится в речевой план. Определённые термины и обороты языка связываются с определёнными элементами и операциями материального действия, располагаются так, чтобы отобразить его течение». И далее: «...Перенесение действия в речевой план означает не только выражение действия в речи, но прежде всего речевое выполнение предметного действия — не только сообщение о действии, но действие в новой, речевой форме. Речь есть форма предметного действия, а не только сообщение о нём» [6, с. 455–456].

Процесс вербализации эмоций подробно описан Я. Рейковским: «Развивающийся эмоциональный процесс вызывает в сознании изменения, которые заключаются в появлении репрезентирующих эмозиев знаков (или в вербализации эмоций), а также в перестройке структуры высказывания и в приобретении им эмоциональной окраски» [14, с. 161]. Эти изменения поддаются систематическому описанию и количественному выражению, что даёт возможность их научного изучения.

Обценная лексика выполняет работу «эмоциональной грамматики» в языке человека.

Необходимо отметить, что сторонники психолингвистической концепции, как и этологи, и приверженцы бихевиоризма, не только признают возможность, но и утверждают необходимость контроля человека над собственными речевыми действиями, регуляции своего речевого поведения. Например, Л.С. Выготский утверждает необходимость «подчинения поведения человека его собственной власти» [3, с. 449], справедливо полагая, что речь служит «социальной координации поведения» [3, с. 452]. Аналогичную мысль высказывает и А.А. Леонтьев, считая, что речевая деятельность «...предполагает общественный контроль, осуществляемый в социальных, экстериоризованных формах власти» [11, с. 86–87].

Таким образом, будучи специфической человеческой деятельностью, речевая деятельность должна регулироваться, корректироваться и контролироваться человеком во всех её сферах и видах. Это, в свою очередь, определяет насущную потребность и необходимость контроля над речевой активностью и её агрессивных форм.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М.М. Позднева. Книга сочинителя. — СПб.: Амфора, 2008.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.
3. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 7: Психология искусства. — М.: Говорящая книга, 2005.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. — М., 1983.
5. Виллюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций / Психология эмоций: Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
6. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык. — М.: Просвещение, 1985.
7. Гальперин П.Я. Введение в психологию: учеб. пособие для вузов. — М.: КД «Университет», 1999.
8. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М., 1998.
9. Изард К.Е. Эмоции человека. — СПб.: Питер, 2005.
10. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. — СПб., 2003.
11. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 2001.
12. Мымрин А.В. Ужасы нашего городка // Российская газета. — № 104. — 17 мая 2013 г.
13. Пиаже Ж. Психология интеллекта. — М., 2003.
14. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. — М.: Прогресс, 1979.
15. Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. Вып. 1. — М., 1994.

EMOTIONAL LANGUAGE OF THE UNPRINTABLE LANGUAGE

A.V. Mymrin

Senior lecturer at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

This article reveals an emotional nature of the obscene language in the language behaviour of any person, and also its functions and properties. It substantially defines some psychological approaches to the analysis and evaluation of the obscene vocabulary. The author considers the obscene language as an emotional speech grammar. He also identifies a psychological specificity of the invective forbiddenness in the human language behaviour.

Keywords: obscenity; obscene language; invective; verbal aggression; prohibition; polysemanticity; reacting; verbal reactions, language behaviour; speech act; verbal and thinking mechanism; protolanguage; sign; object construct; regressive type of behaviour; catharsis; defence mechanism; affect; sacred language; emotional grammar.

Школа Современных
Психотехнологий

тел: +7 (495) 728-79-15
www.psy-resultat.ru
e-mail: info@psy-resultat.ru

г. Москва, Климентовский пер., 1/18
(ст. м. «Третьяковская», «Новокузнецкая»)

Генеральный директор
Мымрин Александр Валерьевич
+7 (903) 111-66-40

Школа Современных Психотехнологий

Зарегистрирована в ГУ ФРС по г. Москве Министерства юстиции РФ
№ 5107746027384 от 16 декабря 2010 года

- проведение психофизиологических испытаний на детекторе лжи (полиграфе): служебные расследования, проверка клиентов и персонала, выявление скрываемой информации, экспертиза для судебных и правоохранительных органов
- развитие интуитивных способностей и креативности
- поиск творческих решений с использованием авторской методики «Генератор идей»
- развитие способности принимать решения (авторская методика)
- эксклюзивная методика коррекции страхов «Истребитель аэрофобий» с использованием авиа-тренажера «СУ-27»
- все виды психологического консультирования

**Есть вопросы — не проблема,
есть проблемы — не вопрос!**